

А.АХМАТАЛИЕВ
(Бишкек)

ТВОРЧЕСТВО ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА В ТЮРКОЯЗЫЧНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И КРИТИКЕ

Мақалада Ш.Айтматов шығармалары туралы түркі тілдес халықтар тілінде жарияланған сын мақала, рецензия, зерттеулердегі өзекті де ортақ ой-пікірлерге талдау жасалған. Ш.Айтматов шығармашылығының өзіндік ерекшеліктері айқындалған.

Makalede, Türkçe ve lehçeleriyle yayımlanan Cengiz Aytmatov'un eserleri hakkındaki eleştiri ve fikir yazıları ile araştırmalardaki belli başlı ortak düşüncelerin tahlili yapılmaktadır. Yine makalede, Cengiz Aytmatov'un edebî kişiliği üzerinde durulmuştur.

Из всех восприятия литературного творчества едва ли не самым важным является критическое и научное его осмысление. В литературной критике и литературоведении, в сущности, осмысляются все формы восприятия художественно-литературного факта.

Систематизация и обобщение существующих ныне точек зрения на творчество Чингиза Айтматова – работа чрезвычайно объемная. Поэтому в настоящем разделе мы предприняли попытку проанализировать лишь те трактовки произведений Айтматова, которые отражены в критических статьях. Рецензиях и исследованиях, опубликованных в печати тюркоязычных народов.

Мы сосредотачиваем свое внимание лишь на фундаментальных проблемах, которые изучены в большинстве литературоведческих и критических работах.

Произведения Ч.Айтматова находят живой отклик тюркоязычных литературоведов и критиков. Основное внимание при этом обращается на такие вопросы, как идейно-тематическое содержание произведений киргизского писателя, их философская масштабность, единство национально-интернациональных черт, драматизм, лиризм и психологизм айтматовских произведений, реалистичность, емкость пейзажных зарисовок, манера повествования, своеобразие языка в русском и киргизском вариантах, отношение к устному народному творчеству, взаимоотношение человека с обществом и природой и т.д.

В чем же новаторство и неповторимость айтматовской прозы? В чем ее новизна, оригинальность?

Конкретный анализ научных и критических выступлений о творчестве писателя позволяет в какой-то мере ответить на эти вопросы.

Всемирная слава Чингиза Айтматова началась с повести “Джамилия”. Одним из первых литераторов тюркоязычных народов откликнулся на нее видный казахский писатель и ученый Мухтар Ауэзов. Он отметил, что новое произведение молодого писателя значительно выделяется из литературного

процесса народов Средней Азии своей психологичностью, естественностью, высокой художественностью и простотой. "Самое отрадное, и скажем прямо, необычное для киргизской прозы, - писал Ауэзов, - заключается у Айтматова в обрисовке людей, в показе их отношений как бы изнутри..."

Повесть Чингиза Айтматова психологична, естественна, изящна и проста. Она принята правдивостью душевных состояний, тонко подмеченных и сдержанно, выразительно, даже порой коротко обрисованных... Это явление, новое на почве киргизской прозы, обнаруживает хорошую профессиональную культуру автора и, конечно, тонкое, верное знание жизни народа, характеров людей и условий их труда"[1].

Суждение А.Ауэзова о "Джамиле" можно отнести не только к этому произведению Айтматова. В трудах литературоведов и критиков оценка М.Ауэзова стала по своему определяющей в деле трактовки каждого нового произведения Айтматова. Классик казахской литературы верный ключ, которым открывались тайны творчества киргизского прозаика.

Появление "Джамили" вызвало в литературной критике взрыв. Она оказалась в центре неоконченного до сих пор спора. Читательское восприятие "Джамили", особенно в Средней Азии, было неадекватным: неадекватными были и суждения о повести критиков. Ныне противоречия в ее оценке во многом сгладились. Тем не менее проблемы, связанные с этой повестью, отнюдь не исчерпаны. Некоторые из них поднимаются в книге известного литературоведа, доктора филологических наук Г.Гачева "Любовь. Человек. Эпоха"[2], причем у литературоведов они вызвали живую полемику. Суть ее заключается в противотезисе Г.Гачеву о том, что Джамили бросает законного мужа и уходит с Данияром. Здесь, в этой полемике, было действительно необходимо глубоко и всесторонне аргументировать ответ авторитетному ученому, хорошо знакомому с мировой литературой. И обидно, скажем откровенно, что "вызов" Г.Гачева принял только киргизский литературовед и критик К.Асаналиев [2].

Если окинуть широким взором литературу тюркоязычных народов, в ней можно найти немало великих дастанов, возвеличивающих любовь двух молодых сердец. Но все же "Джамили", выражаясь словами французского писателя Л.Арагона, остается "самой прекрасной в мире историей о любви"[3].

Одной из причин особенно глубокого интереса, с которым встретили повесть "Первый учитель" читатели тюркоязычных народов, является общность тех исторических условий, утверждения идей новой жизни в туркестанских аилах. "Если бы мы изменили в произведении имена героев, то события происходили бы в Башкирии. Посредством изображения жизни родственного киргизского народа Ч.Айтматов сумел показать жизнь всех братских народов"[4], - считает Х.Хэйретдинов. Перед такими героями разных национальностей, как Дуйшен, стояли одинаковые трудности и препятствия при обучении грамоте и пробуждении сознания простого люда. Оценивая повесть "Первый учитель", литературоведы и критики сопоставляли ее с созвучными произведениями из национальных литератур, которые они представляли. Каракалпакские литературоведы М.Нурмухамедов [5] и З.Насурлаева [6], казахский литературовед Р.Мылтыкбаев [7] отмечают

близость повести произведениям “Спасибо учителю” Т.Каннбергенова и “Школа Бакбергена” Б.Майлина.

Повесть “Материнское поле” была оценена как классический образец воплощения идеи преклонения перед Матерью-Отчиной. Отмечалось, что литературного героя такого масштаба доселе еще не было в литературе Средней Азии. Критики и литературоведы рассматривали судьбу Толгонай как олицетворение народной судьбы, как оптимистическую трагедию, раскрывающую непобедимость материнского чувства, и ее духовной силы. Выражаясь словами алтайского писателя Б.Укачина, герои повести, всеми помыслами своими преданные родному аиду, Отчизне, призывают последующие поколения к чистоте совести и гражданскому мужеству [8].

Узбекские литературоведы П.Мирза-Ахмедова, Г.Абдуллаева, Д.Алиева и другие [9] единодушно утверждали, что “Материнское поле” в творчестве писателя – этапное произведение. Новизну и своеобразие его они усматривали в особой манере авторского повествования, в стиле и актуальности проблематики, поднимаемых в повести, в характерах героев, в остроте драматических ситуаций, в раскрытии новых граней отношения человека к природе. Через духовный мир Толгонай писатель утверждает величие человека, его ответственность перед обществом, перед последующими поколениями.

Сказанное относится и к другой повести Айтматова – “Прощай, Гульсары”. Прав узбекский исследователь А.Каттабеков, утверждающий, что “Прощай, Гульсары” – это не только произведение о чабанском труде, а глубокое художественное размышление о смысле жизни и назначении человека” [10].

Литературоведы и критики, анализировавшие это произведение, прежде всего говорят о главном герое повести – Танабае. Так, татарский литературовед, доктор филологических наук Ф.Мусин отмечает, что жизненный путь Танабая – это борьба между добродетелью и злом, протекающая при определенных исторических условиях [11].

Узбекские и татарские литературоведы и критики оценили Танабая как героя интеллектуального, несмотря на то, что он – табунщик, чабан, словом, рядовой колхозник. Чем обусловлена такая оценка? Писатель убедительно показывает заблуждения, горячность Танабая, некоторые его поступки (например, раскулачивание брата Кулубая), невозможно оценить положительно. По мнению литературоведов и критиков, жизнь для героя – дремучий лес. Из этой чащобы ему нужно найти свой путь. Танабай стал интеллектуальным героем после жизненных схваток, после заблуждений, падений и страданий.

Как известно, одно из качеств, присущих творческой индивидуальности Чингиза Айтматова – лиричность его прозы. В том смысле “Белый пароход”, по оценке алтайского литературоведа С.Каташа, – “истинная баллада в прозе” [12]. Развивая ту же мысль и обращаясь к лирическим вступлениям повести, алтайский поэт Паслей Самык и узбекский литературовед Ш.Курбанов определяет произведение как “поэтическую повесть” [13]. Узбекский литературовед Анкобай Кулжонов считает произведение большим дастаном [14].

Одной из важнейших причин успеха повести многие критики считают тонкое и проникновенное использование Айтматовым мотивов устного народного творчества киргизов. Именно в этом, как считает известный казахский прозаик А.Нурпеисов, проявилось высокое мастерство Айтматова, его живая связь с народными истоками [15]. Известный узбекский литературовед Иззат Султанов подчеркивает органическое единство, синтез легенды о Рогатой Матери-оленихе с современным сюжетом произведения. А доктор филологических наук, узбекский литературовед У.Норматов, оценивая повесть, говорит о многофункциональности включенных в нее элементов фольклора. "Цель писателя, - отмечает критик, - заключается не в том, чтобы пересказать древнюю легенду, и в не в том, чтобы дать ей "вторую жизнь", как писали некоторые литературоведы. В каждой строке, в каждом отрывке этих произведений замечается острый реалистический взгляд на реальную действительность" [16].

Казахские литературоведы и читатели считают роман "И дольше века длится день", вышедший из-под пера сорочича-киргиза, гордостью не только киргизской, но и казахской литературы. Обусловлено это, конечно, национальным материалом, на котором строится произведение, обращением писателя к жизни, древней истории родственного казахского народа. И все же последнее, думается, не столь важно: роман, несомненно, является философским произведением, глубоко затрагивающим проблемы всего человечества.

Слово и понятие "манкуртизм" благодаря роману Айтматова предстало нарицательным. Забвение человеком своей истории, предков, родного языка, народных обрядов и обычаев, подобно наутине, пленяет молодое поколение всех народов земли. В качестве одного из образчиков современного манкурта выводит образ Сабитжана.

"Этот манкуртизм, - продолжает свою мысль казахский писатель Ш.Муртазаев, - привел бы к глубокой трагедии, к уничтожению людьми друг друга. Айтматов предупреждает людей о подобной болезни" [17].

Трагедию человечества второй половины XX века Айтматов видит в том, что человек потерял разумную власть не только над миром природы, но и над собой. Это последнее и влечет за собой непредсказуемые беды. Лучшие из людей - Авдий Каллистратов и Бостон Уркунчиев - пытаются предотвратить эту катастрофу, стремясь сохранить разрушающую связь между миром человека и живой природой, будят нашу совесть.

Отдельные исследователи, критики и писатели, дискутируя по поводу "Плахи", энергично выступают против некоторых трактовок романа, представленных в ряде статей центральной печати. Особенно эти относятся к выступлениям И.Кривелева, В.Кожина, С.Аверинцева, В.Лакшина.

Другие литературоведы и писатели - Г.Гачев, Ч.Гусейнов, Н.Худайбергенов, П.Кадыров, А.Хакимов, П.Шермухамедов, Р.Джангужин, Ч.Джолдошева, К.Асаналиев, К.Артыкбаев, С.Жумабеков оценивают образ Авдия положительно.

А.Хакимов, Ч.Гусейнов, П.Шермухамедов, Р.Нурғалиев, Р.Джангужин, М.Борбугулов, К.Асаналиев, В.Кулиев, К.Артыкбаев и Н.Сарсакеева обращение художника к христианской теме считают закономерностью,

обусловленной проблематикой произведения, остротой и сложностью проблем современной эпохи, поставленных в романе.

“Я воспринял “Плаху” как художественное открытие и мощную духовную силу, направленную на объединение рода человеческого перед угрозой, пленившей весь мир” [18], - утверждает писатель П.Кадыров.

Творчество Ч.Айтматова получало высокую оценку у литературоведов и критиков тюркоязычных литератур. Нельзя умолчать и об определенных недостатках. Нередко статьи отличаются информативностью и описательностью, им подчас не хватает глубины идейно-эстетического анализа.

Резюмируя многочисленные точки зрения, можно выделить следующие индивидуальные черты айтматовского творчества:

1. На каком бы из двух языков ни творил Айтматов – русском или киргизском, он тем не менее все же остается киргизским писателем. Феномен Айтматова заключен, прежде всего в том, что его художественно-мировоззренческая система опирается на народные традиции, по сути восходящие к эпосу “Манас”, богатейшему тюркскому фольклору. Вместе с тем он одновременно синтезирует все лучшее из опыта художественных культур народов Запада и Востока.

2. Писатель обладает неповторимым даром обнаруживать и раскрывать в своих произведениях процессы, явления, не обнаруженные до него, открывать их с новой, всегда неожиданной стороны, в аспектах, имеющих существенное нравственно-эстетическое значение. Писателю присущ всесторонний, всеохватывающий взгляд на человека, на его судьбу, место в мире и среди людей. Он ни на миг не упускает из виду, что каждый человек в отдельности – это цельный и неповторимый мир: герои Айтматова – личности.

3. Многие исследователи обращают внимание на многоплановый психологический анализ как на наиболее сильную сторону творчества писателя, на то, что Ч.Айтматов часто обращается к внутренним монологам, которые словно рентген высвечивают богатство духовного мира его героев.

4. Писатель не замыкается лишь на проблематике конкретно-национального – киргизского – образа жизни. Он значительно расширяет нравственно-эстетические горизонты своего творчества, обращаясь к духовному опыту других народов, выражая - через конкретно-национальное – интернациональное, общечеловеческое; в его творчестве национальное преобразуется в ценности мирового порядка.

5. Произведения Айтматова отражают прежде всего день сегодняшний и вместе с тем направляют взгляд в будущее. В них всегда бьется живой пульс времени, ставятся глобальные проблемы сложного, тревожного столетия, они увлекают читателя тревогой за судьбы Планеты Людей, желанием спасти в человеке его человеческое начало.

6. Значительная часть тюркоязычных литературоведов и критиков подчеркивают то обстоятельство, что герои Ч.Айтматова – люди богатой духовной жизни, высокой внутренней культуры; идея прекрасного и доброго в человеке, пафос высокого гуманизма – главная философия, утверждаемая в книгах писателя.

7. Существенными являются суждения о том, что Ч.Айтматов не чуждается проблем трагедийного, освещаемых с позиции оптимистичной концепции мира и человека.

8. Айтматов необычайно ярко и поэтично воссоздает пейзаж, его национальный колорит. В пейзажных зарисовках Айтматов – поэт прозы, лиризм которой – характерная особенность именно стиля Ч.Айтматова.

9. Многих тюркоязычных литературоведов и критиков занимает проблема соотношения творчества Ч.Айтматова с мифологизмом, мифотворчеством. При этом большинство указывает на то, соотношение Ч.Айтматова к мифу глубоко творческое; писатель не ограничивается какой-либо одной версией мифа, а вживается в отдаленные эпохи, погружается в глубины жизненных механизмов, переплавляющих многовековой человеческий опыт. Благодаря этому его “мифологемы” оказываются глубоко актуальными и в наши дни. Указывается на бережное отношение писателя к первоисточникам, ядро которых всегда остается сохраненным, на то, что писатель заставляет легенды “обслуживать” духовные потребности современного человека. Легенда, сказание, притча, миф поворачиваются у него своей нравственной, морально-философской гранью. В этом и заключен прежде всего смысл того “перифункционирования”, которому подвергается в произведениях Айтматова мифологически-сказовое начало.

10. Секрет мастерства Чингиза Айтматова заключен и в универсальность, разносторонности его художественного мышления.

Живое обсуждение произведений Ч.Айтматова литературоведами и критиками тюркоязычных народов СНГ, уделение его творчеству повышенного внимания – факт полного слияния творчества писателя с художественно-литературным процессом этих народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауэзов М. Путь добрый! // Литературная газета. 1958, 23 октября.
2. Асаналиев К. Движение во времени. Фрунзе, Кыргызстан. 1978.
3. Арагон Л. Самая прекрасная в мире история о любви // Советская Киргизия. 1959, 17 мая.
4. Хэйретдинов Х. Первый учитель // Совет Башкорстаны. 1966, 5 января. Башкир. яз.
5. Нурсухамедов М. Каракалпакская советская проза. Ташкент: Фан. 1968. С.228.
6. Насурлаева З. Герой современной каракалпакской прозы. Нукус. 1976.
7. Мылтыкбаев Р. Ч.Айтматов. Алматы: Жазушы. 1978 С.23. Ка. яз.
8. Укачин Б. Со времен “Джамилия” // Звезда Алтая. 1978, 12 декабря.
9. Мирза-Ахмедова П. Национальная эпическая традиция в творчестве Чингиза Айтматова. Ташкент: Фан. 1980. С.92; Абдуллаева Г., Алиева Д. Наш современник // Правда Востока. 1978, 10 декабря.
10. Каттабеков А. На службе идеалов // Сырдарьинская правда. 1978, 12 декабря.
11. Мусин Ф. Связь времен. С.103.

12. Каташ С. Здравствуй, белый паравод // Звезда Алтая. 1972, 26 мая.
13. Самык П. Певец большого сердца // Алтай Чолманы. 1978, 12 декабря. Алт. яз. ; Курбанов Ш. Поэтическая проза // Кашка-дарья хакикаты. 1983, 10 декабря. Узб. яз.
14. Кулжонов А. Всемирный писатель // Ташкент хакикаты. 1978, 12 декабря. Узб. яз.
15. Нурпеисов А. Талант, личность, человек // Вечерняя Алма-Ата. 1978, 17 декабря.
16. Норматов У. О новых чертах социалистического реализма в современной узбекской прозе // Истоки, формирование и развитие социалистического реализма в литературах Советского Востока. Ташкент: Фан. 1976. С.207-208.
17. Муртазаев Ш. Чингиз и действительность // Социалистик Казахстан. 1988, декабрь. Каз. яз.